

«Ажиотаж вокруг дела Листьева на руку убийцам»

Беседа главного редактора «МН» Виктора ЛОШАКА с руководителем расследования убийства Владислава Листьева, старшим следователем по особо важным делам при Генпрокуратуре России Борисом УВАРОВЫМ.

— Как вы думаете, почему именно вам поручили вести дело об убийстве Листьева?

— Среди моих коллег не принято вдаваться в такие вопросы. Возможно, я был более свободен, чем другие следователи по особо важным делам. Во всяком случае, поручили мне это дело не потому, что я когда-нибудь ходил у своих начальников в любимчиках. Может быть, это оттого, что за более чем тридцатилетнюю следственную практику на моем счету нет ни одного «казачьего дела». Хотя, поверьте, в прошлые и нынешние времена не так просто принимать решения лишь на основе фактов и внутренних убеждений.

— Вам приходилось до этого разбираться с заказными убийствами?

— Сказать, что часто приходилось, не могу (казачьи убийства достаточно новое явление, и я в принципе не уверен, что в стране есть следователи, набившие руку именно в этих делах). Во всяком случае я возглавлял группу по расследованию убийства депутата Айдзердзиса, и нам вместе с МВД и ФСК удалось размотать это дело.

— Чувствую, что, несмотря на ваши сложные отношения с начальством, оно не забывает вас, когда возникают какие-то сложные дела...

— Заказные убийства не слишком отличаются от расследования иных убийств. Другое дело, что это может быть наиболее сложный вид убийства, когда на разных этапах участвуют разные лица: один замышляет, другой нашел исполнителя, третий убил. Возможны еще звенья, которые передали исполнителю задачу и оплату его услуги. Если первые заказные убийства в стране отличались тем, что, как правило, преступники оставляли оружие на месте происшествия, то позже стали его уносить. Появился опыт, когда по оружию удалось напасть на след преступников. Так, в частности, нам повезло в деле Айдзердзиса, где оставлено было помповое ружье в подвале дома, откуда стреляли. Цепочку этой улики мы сумели довести до адресата, до исполнителя убийства. С помощью Интерпола было установлено, что ружье изготовлено в Мексике, куплено в Турции, потом был установлен один из первых покупателей, потом удалось найти второго, третьего, а четвертым оказался уже сам исполнитель. Неудачей стала слишком обширная информация в печати, на телевидении. В связи с этим убийством Госдума очень жестко пыталась поступить с министром Ериным, и «доброхоты», окружавшие министра, стремились выдавать гораздо больше информации органам печати, телевидению, чем это было возможно из оперативных соображений. Шел как бы отчет, что вот-вот убийство раскроется. Но, как известно, преступник тоже смотрит телевизор и читает газеты, и в связи с этим он уходил все глубже и глубже. Задним числом мы установили, что сначала он сидел дома, потом скрывался на кладбище, затем ушел еще дальше.

— Возможно, вам просто «везет» на дела, которые вызывают такое пристальное внимание общества.

— Не думаю. Это больше крест. Такие дела не отнесешь к легким. Во всяком случае, по горячим следам они, как правило, не раскрываются. Случай иногда помогает. На месте убийства Листьева остались только две гильзы и две пули: одна в голове и другая, навзлет ранившая руку.

— Какие силы привлечены к расследованию этого громкого убийства?

— Как правило, здесь важна работа на первых этапах. По делу Листьева вначале было задействовано около 30 следователей и большое число оперативников. Мне говорить о точных цифрах трудно, сами понимаете, что здесь действуют гласные и негласные службы. Во всяком слу-

Жизнь дала следователю Уварову не только юридическое образование. Он специалист по трикотажу и кожвенным изделиям (несколько лет вел следствие по подпольным цехам в Чечне), хорошо разбирается в навигации (дело о крушении теплохода «Адмирал Нахимов»), в наших беседах легко оперировал терминами и сравнениями из атомной энергетики (руководил одной из бригад генпрокуратуры, разбиравшихся в причинах чернобыльской катастрофы). Убийство генерального директора ОРТ, похоже, делает Бориса Ивановича еще и знатоком в организации телевидения...

чае, работало достаточное количество специалистов. Другое дело, пока нет результатов, которые позволяли бы нам сосредоточиться на какой-либо группе или каком-то одном субъекте как со стороны исполнителей, так и со стороны заказчика.

— Как человек вы сейчас по-другому относитесь к телевидению, чем до того, как судьба вас бросила на это дело?

— Я вообще не страдаю телеманией, смотрю программы выборочно, да и времени мало. Привязан я к очень узкому кругу передач: «Время», «Итоги», «В мире животных». Последнюю стараюсь не пропускать, если возможно. Ну, еще какие-то, может быть, классические фильмы. Нет, мое отношение к телевидению не изменилось. Другое

ситуацию. Во всяком случае, из всех заказных убийств это наиболее сильно дестабилизировало обстановку. Случаен ли такой результат? У меня пока нет ответа, хотя мы не считаем эту версию главной, ибо Листьев не был крупной политической фигурой. Сначала, если помните, в ажиотаже даже сравнивали это убийство с убийством Кирова.

— Не опущаете ли вы на себе политическое давление?

— Мое начальство знает меня как человека, никаких политических и прочих внеделовых влияний не принимающего. Вмешательство руководства прокуратуры в расследование убийства Листьева остается пока на уровне закона. Хочется верить, эта позиция не изменится.

— Версия, которая казалась ос-

На могиле Владислава Листьева.

дело, я увидел, какая здесь «кухня». То, что я о ней узнал, не в пользу телевидения. Я считаю, что телевидение, как и следствие, необходима департизация. Это и понятно — мы искатели истины. И в этом смысле истина одна, она не может быть партийной, как это нам когда-то внушали, во всяком случае, я в своей практике стараюсь этому следовать. Так же, мне думается, и телевидение. Но ему тяжелее.

— Вы, ведя следствие, как бы пытаетесь для себя вылупить образ человека, который погиб. Каким вам представляется сейчас этот человек реально, без пафоса и истерии?

— Это был, как и многие из нас, человек неодноплановый. Не мы, а вы, журналисты, поставили вопрос: а кто же был убит? Журналист, политический деятель, коммерсант?

— Понять это и для следствия очень важно.

— Все наши помыслы, конечно, крутятся вокруг этих версий. Иногда думаешь, версия отпала, а нет, возникают новые данные, которые говорят об обратном. Например, какую политическую дестабилизацию создало это убийство! За ним последовала напряженность между московскими и российскими властями. Я здесь высказываюсь не как следователь, а как гражданин, наблюдаю-

бенно близкой писавшим об убийстве Листьева, связана с рекламой.

— Я все же руковожу следствием, и мне не пристало указывать на какие-то направления в расследовании, которые могли бы дать повод кому-то сориентироваться, подготовиться. Поэтому я стараюсь и с вами беседовать в пределах следственной тайны.

— Ходят слухи, что в процессе расследования по делу Листьева задержан ряд людей, которые, возможно, не имеют отношения к делу, но тем не менее являются преступниками.

— Ходят не только слухи, но и статьи. «Коммерсант-дейли» написал о группе Филина, якобы задержанной по подозрению в убийстве Листьева. «Московский комсомолец» со свойственными ему прямой и лаконичностью уже объявил, что Филин подозревается. Я как руководитель следствия утверждаю, что такого подозреваемого нет. Проверятся многие группировки, в том числе задержанные по другим делам. Но подозреваемый — это процессуальная фигура. Сказать, что он у нас есть, было бы неверно. Те, кто пишет такое, должны были бы подумать о нарушении прав задержанных совсем за другие преступления.

— Каждое заказное убийство, особенно нераскрытое (чаще так и бы-

вает), вносит в общество еще одно зерно неуверенности. Если не могут найти убивших крупного банкира или политика, то что говорить о возможности найти убийц по менее шумным делам?

— Я работаю на следствии уже более 30 лет, и заказное убийство — это наше «достижение» последних лет. Слом форм собственности, капитализация, раздел и передел имущества, превращение народного добра в частное не могут не отражаться на состоянии преступности. В обществе идет холодная гражданская война. Может быть, это слишком громко сказано, но если в 1985 году по всему Союзу оставалось 430—450 нераскрытых убийств, то за прошлый год их 7,5 тысячи. А как вы понимаете, всякое нераскрытое убийство плодит новые, ибо убийца, вкусивший крови, а тем более безнаказанный убийца продолжает свое дело. Появились киллеры, убийство стало товаром, чего раньше у нас не наблюдалось. Я считаю, что наши государственные деятели, делая такой крутой поворот истории, должны были бы предусмотреть возможность всплеска преступлений и предпринять контрмеры. Раньше у нас по сравнению со Штатами в 2,5 раза было меньше убийств: у нас 10—12 тысяч, у них за 20 тысяч. Сейчас мы их обогнали. И это, заметьте, не СССР, а только Россия.

— Как вам кажется, средства, которые сегодня обращаются в преступном мире, пропорциональны тем, которые выделяет государство на борьбу с преступниками?

— Преступный мир стал гораздо богаче, отсюда и профессиональнее. Достаточно сказать, что общая раскрываемость заказных убийств у нас составляет не более 10—15 процентов. Борьба с преступностью — это борьба денег. Если вы вложили в борьбу с преступностью 1 доллар, а преступник вложил в совершение преступления 10 долларов, то... вы понимаете. Если у следователя 10, а то и 20 убийств в производстве, то нерационально раскрытие ни одного из них. Выполнение только формальных моментов занимает у следователя столько времени, что расследовать дело ему уже некогда: например, получить отсрочки, вынести какие-то документы о производстве обысков или вымог, дать поручения милиции...

— Возвращаясь к расследуемому делу, как вы относитесь к критике за поспешно выданные фотороботы подозреваемых?

— Идет наработка информации. Ряд свидетелей говорит, что они видели на месте происшествия каких-то двух молодых людей, вели эти парни себя подозрительно: заходили-выходили из подъезда Листьева во время, близкое к убийству. Попытаться найти их — обязанность любого следователя. (Кстати говоря, решение о создании этих фотороботов и об их публикации было не мое, оно было принято буквально на ходу, на второй день, я еще не успел принять дело.) Как можно обвинить людей в непрофессионализме? Другое дело, что фотороботы не надо было публиковать на том этапе. Это было слишком поспешно. На четвертый день стало понятно, что на фотороботы попали свидетели, которые случайно здесь были. Они действительно приезжали именно к Листьеву, один из них заходил в квартиру, двое ожидали. Это были ремонтники. В «Литературной газете» написали, что следователи чуть ли не неделю гонялись за мнимыми преступниками. Это неправильно. Этими фотороботами занималась небольшая группа. Поэтому следствие здесь ни на миг не останавливалось, шло по другим направлениям. Примерно в это же время была получена информация о двух других, которые выбежали из подъезда.

Правда, эти двое рисовались не так ясно. За первыми фотороботами были составлены новые, хотя уже менее четкие, поскольку их видело меньше людей. Обычная работа. И это был как раз профессионализм. Попал в поле зрения человек — тут же его отработали.

Другое дело, не нашли гильзу. Да, это была халатность следователя, который выезжал на место происшествия. Обычно такие вещи обязаны найти. Я даже по себе знаю. Если убийство бывало на квартирах или в общежитиях, я, осмотрев, давал команду закрыть помещение. Я туда возвращался по нескольку раз. Потому что бывает так, что опишешь ситуацию, но расположение каждого предмета, который может потом заработать, нельзя описать. Если вы начнете описывать положение каждого предмета даже в своем кабинете, то получится «Война и мир». Как правило, пишется что-то общее, сконцентрированное вокруг трупа и т.д.

Меня учил мой первый прокурор: «Никогда не спеши отдавать место происшествия». А это происходит сплошь и рядом. А тут — обнаружение гильзы! Ее надо было искать. Конечно, на месте такого происшествия ажиотаж: такая личность, много людей, следователь молодой, мог растеряться. Ему надо было, может быть, на коленках ползать, искать вторую гильзу, тем более, сразу было ясно, что стреляли дважды.

— Телевидение показывало, как следствие подробно изучало телематериалы похорон Листьева.

— Это преувеличение. Я для себя попросил телематериал, потому что не имел возможности побывать на кладбище. Мне как следователю интересно было посмотреть атмосферу, окружение. Но не думаю, что это имеет большое значение.

— Помог ли телефон доверия? Звонили больше людей сочувствующих или тех, которые действительно хотели поделиться информацией?

— Телефон доверия работает и сейчас. Смысла в этих телефонах мало. Любый, кто хочет сообщить информацию, звони 02, и нас найдут. Но была масса звонков, и она продолжается поныне. Подобного рода преступления будоражат и людей нездоровых. Много было от них звонков, писем, много их визитов, даже несколько заявлений с признаниями вины в убийстве. Заявлялось это в разных городах страны, приезжали сюда. Одного привезли из Минвод, он местному прокурору сообщил, что совершил убийство, и там в это поверили. Оказалось, большой.

— Работает ли материальное стимулирование полезной следствию информации?

— Я не знаю таких случаев.

— Мне тоже всегда казалось, что это из другой жизни.

— По Айдзердзису объявлялся премиальный фонд — 100 миллионов. Для тех времен довольно крупная сумма. Однако там даже необходимости в этом призе не оказалось, поскольку буквально на третий-четвертый день мы уже стали мотать реальную нитку.

— Сейчас вы и сами говорите, что следствие находится в тяжелых условиях. Вам не надоело?

— Намереете? «Пора, брат, пора...»? Отвечу с некоторым пафосом. Следствие — моя планета. Для меня оно — это поиск только истинной информации. В этом смысле я не приемлю какие-то альтернативные расследования, устраиваемые в том числе и некоторыми газетами, которые таким способом, возможно, пытаются поддержать за себе интерес. А когда об этом говоришь, тебя в этих газетах пытаются испачкать. В государстве может быть только одно расследование. Важно лишь, чтобы оно поддерживалось на достаточно профессиональном уровне. Беда еще в архаичности, примитивности самих законов, ставших беспомощными в борьбе с преступностью в новых условиях. Кто это понимает лучше, чем опытные следователи?

Поэтому, хотя мой возраст и позволяет мне уже завершить свою карьеру, хотелось бы (несмотря на все трудности) сделать это на хорошей ноте — предпринять все возможное для раскрытия убийства Владислава Листьева. Это преступление может и должно быть раскрыто.